

«Правда и неправда» Марка Харрисона:
К вопросу о сравнении мобилизаций
народных хозяйств
в Первую и Вторую мировые войны

Олег Ю. Казенков

Русский академический фонд, Москва, Россия, o.kazenkov@gmail.com

Григорий Г. Попов

*Институт международных экономических связей,
Москва, Россия, GGPopov2009@mail.ru*

Дмитрий Н. Ермаков

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия; Московский технологический институт,
Москва, Россия, DNErtakov@fa.ru*

Аннотация. В работе проводится анализ научных подходов Марка Харрисона к оценке военно-экономических потенциалов государств, принимавших участие в мировых войнах. Соответственно применен историко-экономический анализ на основе сравнения макроэкономических показателей, как это сделано в работах М. Харрисона. Целью настоящей статьи является выявить связь между характером политической системы и масштабом мобилизации экономики в условиях мировых войн. Главным пунктом анализа в статье выступает вопрос влияния характера политической системы на мобилизацию экономики. Автор пришел к мнению, что политическая система менее, чем экономические обстоятельства, влияла на масштабы мобилизации экономики. Часто центральным фактором в наращивании военного производства, как считает автор, были потери ВВП, понесенные в результате войны. Статья впервые в историографии содержит критический подход к результатам исследований М. Харрисона. Работа может быть интересна как ученым, занимающимся историей экономики XX в., так и всем, кто интересуется историей.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, военная экономика, мобилизация экономики, Марк Харрисон

Для цитирования: Казенков О.Ю., Попов Г.Г., Ермаков Д.Н. «Правда и неправда» Марка Харрисона: К вопросу о сравнении мобилизаций народных хозяйств в Первую и Вторую мировые войны // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2018. № 2(12). С. 123–141. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-2-123-141

That is why Mark Harrison is “right and wrong”.
To the question about comparing mobilizations
of economies during the First and Second World wars

Oleg Yu. Kazenkov

Russian academic Fund, Moscow, Russia, o.kazenkov@gmail.com

Grigorii G. Popov

*Moscow Technological Institute, Moscow International University,
Moscow, Russia, GGPopov2009@mail.ru*

Dmitrii N. Ermakov

*Financial University under the Government
of the Russian Federation, Moscow, Russia;
Moscow Technological Institute, Moscow, Russia, DNErmakov@fa.ru*

Abstract. The article analyses Mark Harrison scientific approaches to the estimation of military and economic potentials of the states which participated in the World wars. Accordingly, the authors apply a historical and economic analysis basing on the comparison of macroeconomic indicators, as in the works of M. Harrison. The aim of this paper is to reveal the relationship between the nature of the political system and a scale of the economy mobilization in conditions of World wars. The main point of the analysis is the question of the nature of the political system influence on the economy mobilization. The authors have come up with opinion that the political system affected the economy mobilization scale less than the economic circumstances. Often a central factor

in increasing military production, as the author believes, was the loss of GDP incurred by a war. This article For the first time in historiography this article contains a critical approach to research results of M. Harrison. Scientists engaged in the economic history of the twentieth century and anyone interested in history may find this paper interesting.

Keywords: First World war, Second World war, the Great Patriotic war, war economy, mobilization of an economy, Mark Harrison

For citation: Kazenkov OV., Popov GG., Ermakov DN. That is why Mark Harrison is “right and wrong”. To the question about comparing mobilizations of economies during the First and Second World wars. *RSUH/RGGU Bulletin. “Economics. Management. Law” Series.* 2018;2:123-41. DOI: 10.28995/2073-6304-2018-2-123-141

Введение

Экономические процессы в период Второй мировой войны оставляют больше вопросов, чем ответов. Например, каким образом СССР, потеряв более половины своего населения в первый год войны, смог превзойти нацистскую Германию по выпуску вооружений уже в 1942 г.? За счет чего США, имея ВВП фактически меньший, чем у государств «оси», включая «малых» союзников нацистской Германии, как, например, Болгарию, сумели успешно сражаться на два фронта? В годы Холодной войны историки пытались искать ответы на эти вопросы в плоскости идеологий, из-за чего экономическая история Второй мировой войны оказалась перегруженной идеологическими штампами. Цифры часто не перепроверялись, они кочевали из одного издания в другое, как и оценочные суждения, если хотя бы вспомнить известную историю с процентами «ленд-лиза» от стоимости произведенной в СССР продукции.

Налет идеологизированности на исследованиях истории Второй мировой войны, как и предшествовавших ей событий, сохраняется до сих, что связано с тем, что отношения между Россией и Западом переживают сегодня не самые лучшие времена, да и на самом Западе некоторыми историками ведется переоценка роли коалиции союзников во Второй мировой войне в пользу снижения вклада последних в Великую Победу.

Для нас, россиян, как и жителей всего постсоветского пространства, экономическая история Второй мировой войны, как и межвоенного периода, имеет особое значение в свете развернувшейся в постсоветский период дискуссии о роли Сталина и его политики в подготовке к войне и успехах Красной армии в период Великой Отечественной войны. Во многом эта проблема остается одним из центральных пунктов спора между либералами и социал-консерваторами, последние отстаивают концептуальную идею превосходства сталинской системы общественного устройства над «прогнившими западными демократиями» с их индивидуализмом и прочими либеральными ценностями, которые привели их к катастрофе 1940 г. и неспособности их вооруженных сил эффективно продолжать войну против «оси». Поэтому история Второй мировой войны для российского общества – это не просто часть исторического процесса, это – часть современности.

Взглядам российских социал-консерваторов соответствуют концепции М. Харрисона и А. Ноува. На идеях первого мы подробно остановимся в следующем разделе статьи. Суть подхода данных ученых к анализу эпохи сталинизма сводится к тому, что модель административно-полицейского принуждения в России оказалась более эффективной, с точки зрения повышения обороноспособности страны, нежели построенное на рыночных транзакциях западное общество с его демократическими ценностями. Российская империя отнесена М. Харрисоном к разряду все-таки частично западных, по своей сути, обществ, так как в ее экономике преобладали рыночные транзакции.

Практически никто, кроме М. Харрисона, в современной историографии не занимался на столь высоком уровне сравнением военных экономик, что оставляет много неизученного в рамках данной тематики. У М. Харрисона рыночные транзакции противопоставлены полицейскому принуждению, другие противопоставления практически глубоко не изучаются им. Хотя у той же нацистской Германии был демократический предшественник – Веймарская республика, которая оставила много в наследие нацистскому режиму в плане экономики и технологий. Нацисты в 1930-е гг. не рискнули провести демонтаж «здания» хозяйственной системы Веймара, дополнив только его своими директивами и предписаниями, для которых часто делались различные исключения.

Мы считаем, что разделение нацистской Германии и фашистской Италии в годы Второй мировой войны на совершенно две разные хозяйственные системы не совсем верно, к середине 1941 г. режим дуче был сильно интегрирован в экономику нацистской

Германии, точнее, в ее «внешнюю империю», после отставки Муссолини часть итальянских промышленных предприятий стала работать уже на военную экономику нацистской Германии. Франция Виши была еще более тесно связана с нацистской Германией в экономическом смысле, нежели фашистская Италия. Как мы показали в одной из наших работ, Гитлер опирался в своей военно-экономической политике в значительной степени на «внешнюю империю», включавшую несколько кругов зависимых от Германии стран и отдельных территориальных комплексов, в том числе и экономических партнеров нацистов по неволе – Швейцарию и Швецию [1].

Выше мы сказали о США. Наша оценка военно-экономического потенциала этого государства в годы Второй мировой войны в сравнении с другими державами несколько отличается от того, что предложил М. Харрисон. Мы считаем, что курс доллара по отношению к другим валютам был завышен, из чего на протяжении десятилетий происходила ложная оценка экономического потенциала США. То же самое касается СССР, курс рубля был завышен, а различия в ценах между советской и другими экономиками слабо учитывалось, как и различия в затратах на выпуск военной продукции.

Нас интересуют в первую очередь ограничения мобилизаций военных экономик. В этой связи нам интересен подход М. Харрисона, когда рыночные транзакции противопоставлены административным. Правда, непонятно, почему административные транзакции должны быть обязательно направлены на увеличение выпуска военной продукции, тоталитаризм у нас стойко связывается с военной экономикой, что, в общем-то, неверно: например, режим И.Б. Тито в Югославии совсем нельзя назвать воинствующим, в то время как возникшую после его смерти хорватскую демократию – вполне. И в этом вопросе – ориентации тоталитаризма на военную экономику – думаем, стоит научно разобраться. Отсюда следует и другой вопрос, могут ли административные транзакции, первоначально ориентированные на выпуск гражданской продукции, столь же эффективно работать с ориентацией на военное производство? Мы думаем, что такое возможно не во всех случаях, и эту проблему мы также намерены рассмотреть в настоящей работе.

Был ли реально индивидуализм как базовая ценность западных обществ таким серьезным барьером для реализации политики тотальной войны? И могли ли быть такие ограничения реальноścią в рамках государств «оси»? В принципе это – центральные вопросы нашего исследования. Соответственно цель настоящей

статьи – определить эффект институциональных ограничителей для снижения степени мобилизации экономик, поняв при этом природу этих ограничителей, которая лежала, в том числе, в ментальности правивших политических кругов.

Мобилизация экономики и политическая система

В 1993 г. вышла статья Питера Гартелла и Марка Харрисона, где проводится сравнение двух экономик в разные войны: российской – в Первую мировую войну и советской – во Вторую мировую войну. Одна страна, но две системы и в разных конфликтах. В своем исследовании П. Гартелл и М. Харрисон упустили такой важный пункт, Российская империя не готовилась к тотальной войне со всем Западом и Японией, чего нельзя сказать об СССР межвоенного периода. Отсюда армия Российской империи имела лимит по мобилизации, исходя из которого строились планы по подаче в войска вооружений. Второе, стратегия Российского Генштаба основывалась на выводе, что крупные силы кайзеровской Германии будут отвлечены Францией. Сталин не возлагал надежды на союзников, их, кроме Монголии и Тувы, у СССР до лета 1941 г. практически не было.

Мобилизационное расписание Генштаба от 1 сентября 1910 г. предписывало, что в случае большой войны в армию требовалось призвать 2 533 847 человек, примерно 11% в ополчение (ратники). В кадровых войсках на 1 апреля 1914 г. насчитывалось 1 232 738 нижних чинов. Фактически в армию после новых требований военного министра Сухомлинова было призвано приблизительно на 800 тыс. чел. больше, чем было указано в расписании 1910 г. [2 с. 774]. В августе 1914 г. были призваны дополнительно еще 707 664 человека в качестве ратников первого разряда [2 с. 774]. Поэтому к сентябрю 1914 г. возник дефицит ручного оружия, а затем и всего остального. Создать условия покрытия дефицита за счет внутренних ресурсов в короткие сроки не представлялось возможным, военную промышленность до войны не готовили к таким масштабам выпуска, поэтому пришлось положиться на ненадежные внешние поставки. Для выпуска винтовок были задействованы к весне 1915 г. даже ремесленные училища, а также гражданские производства [2 с. 782].

Похожие сюжеты имели место и с другими вооружениями.

В СССР, по мобилизационному плану, составленному в конце 1937 г., только в стрелковых войсках должны были быть в воен-

ное время 3 906 300 чел., по штату мирного времени – 636 940 чел. [3 л. 33–34].

Стрелковые войска вместе с кавалерией в условиях войны возрастали, по плану, до почти 4 300 000 чел. Таким образом, по старым типам войск, мобилизационный план СССР даже конца 1937 г. с учетом дополнительных мероприятий опережал мобилизационный план сентября 1910 г., но вполне соответствовал плану Сухомлинова кануна Первой мировой войны. Однако у Российской империи в 1914 г. не было танковых войск, авиация находилась в зачаточном состоянии. С ВВС и бронетанковыми войсками РККА должна была превысить 5 млн чел. по мобилизационному плану 1937 г., но все равно это практически эквивалентно той численности личного состава, какую привлек в армию Сухомлинов к сентябрю 1914 г. Однако качественные характеристики войск были, разумеется, в этих войнах разными.

Несмотря на то что Генштаб РККА знал, что в Первую мировую войну России пришлось мобилизовать порядка 15 млн человек и кадровая армия не справилась в первые месяцы войны с поставленными перед ней задачами, по плану конца 1937 года планировалось довести численность личного состава армии мирного времени до 1 780 000 чел. к 1943 г. с 1 605 502 чел. в 1937 г. [3 л. 33–34], армия военного времени должна была составить порядка 5 млн чел. Дефицит личного состава планировалось компенсировать новейшими типами боевой техники, из-за чего Сталин лихорадочно развивал танкостроение и авиастроение.

В достаточных масштабах поставки западных союзников в Россию пошли уже при Керенском, но, как говорится, ложка хороша к обеду, и русская армия к тому времени была сильно вымотана. На фоне слабо поставленной военной пропаганды российские войска просто не хотели воевать уже к лету 1917 г., они видели перед собой противника, совершенно не преследовавшего открыто целей уничтожения России. Что касается каких-то территориальных уступок Германии, то массы российского населения уже весной 1917 г. были, по всей видимости, к этому морально готовы.

В 1941 г. и после советские люди увидели перед собой другого противника. Вопрос стоял о том, быть или не быть стране и ее населению, а не о судьбе какого-то определенного политического режима. Отсюда и характер мобилизации был иным, как и готовность населения жертвовать ради Победы.

П. Гартелл и М. Харрисон упрекают царский режим в том, что тот, дескать, поздно ввел продуктовые нормы снабжения населения, сделав это еще и на локальном уровне. Но хлебные карточки

правительства Керенского не спасли страну от продовольственного коллапса. При Сталине дефицит калорий не привел к крупным протестным акциям, поскольку население осознавало всю серьезность сложившегося положения, война была другой, как и уровень механизации сельского хозяйства. Тракторная техника получила и на Западе распространение далеко не во всех регионах одинаково, Россия отставала в этом отношении от европейских стран, однако нельзя сказать, что по тракторам в аграрном секторе Германия и Австро-Венгрия были впереди планеты всей, поэтому эти государства столкнулись к концу Первой мировой войны с теми же самыми продуктовыми проблемами, что и Россия. Германия уже при социал-демократическом режиме Ф. Эберта нашла выход из продовольственного кризиса в импорте и в восстановлении прерванных войной закупках удобрений, пожертвовав ради этого многим в Версале. Советской России пришлось пережить более болезненный путь.

Если обобщенно подходить к проблеме сравнения политических систем, с точки зрения их мобилизации в период крупных вооруженных конфликтов, то обобщенно, отталкиваясь от рассуждений М. Харрисона, можно нарисовать достаточно противоречивую картину отношений государства и общества в военный период (табл. 1).

Если посмотреть на данные, приведенные в табл. 1, нетрудно заметить, что рост расходов на военные нужды был большим у тех стран, которые потеряли крупный процент от ВВП. У США и Великобритании в последний год войны ВВП, напротив, вырос по отношению к последнему предвоенному году. Россия, Германия, Австро-Венгрия и Франция имели разные политические системы, правда, Россия была ближе по политическому устройству к Австро-Венгрии, но все-таки мы видим, что в последний год своего участия в Великой войне каждое из этих государств мобилизовало 50% и более своего ВВП. Отсюда следует, что характер политических режимов в принципе не отражается на проценте привлеченного на военные нужды ВВП, дело заключается в потерях ВВП.

Армия при сокращении поставок дает сигналы правительству, то реагирует на это, увеличивая военные расходы, ВВП в результате снова падает, что ведет к перебоям с поставками, отсюда армия вновь посылает сигналы правительству. И так может продолжаться до практически наступления тотального кризиса, когда экономика уже не в состоянии обеспечить пропитание собственных населения и вооруженных сил, в таком случае либо государству ничего не остается, как капитулировать, либо ему надо искать внешние ресурсы.

Таблица 1

Государство и общество при разных политических системах в условиях Первой мировой войны
Составлено по Бродбери, М. Харрисону [4 р. 31]

Государство	Характер режима	Мобилизованный процент ВВП в последний год войны (по доле гос. расходов в ВВП), %	Изменение ВВП к моменту завершения войны по отношению к последнему предвоенному году), %	Продолжительность участия в конфликте, годы
Германская империя (кайзеровский режим)	Умеренно либеральный	50,1	(-) 18,2	4,5
Австро-Венгерская империя	Умеренно либеральный	-	(-) 26,7	4,5
Великобритания	Либеральный	35,1	(+) 14,8	4,5
Российская империя	Умеренно либеральный	50 (приблизительная оценка)	(-) 32,3	2,5
Франция	Либеральный	53,5	(-) 36,1	4,5
США	Либеральный	16,6	(+) 13,2	1,5

Российская империя, в отличие от кайзеровской Германии, оказалась обделена внешними ресурсами в годы Первой мировой войны. У Германии имелся поставщик продовольствия – Дания, оккупированные Польша и Румыния, а затем и Украина тоже поставляли аграрную продукцию в Германию. Немецкая армия в Первую мировую войну вела боевые действия преимущественно на чужой территории, пользуясь реквизированным продовольствием либо расплачиваясь за него золотыми марками, которые в изобилии поставлялись казначейством за рубеж, в войсковые кассы (таким образом Германия экспортировала свою инфляцию, но в то же время сокращала свой золотой запас).

Занятая немецкими войсками Бельгия и 18 оккупированных французских департаментов тоже давали ресурсы для кайзеровского режима. Поставки оружия, боеприпасов и военных материалов в Россию шли с перебоями и практически до весны – лета 1917 г. были не столь масштабными, о специальных продовольственных закупках за границей правительство Николая II особо не заботилось, когда в кайзеровской Германии это дело было поставлено на широкую ногу. Фактор внешней торговли и реквизиций на оккупированных территориях в случае Германии и ее союзников М. Харрисоном и его коллегами практически не учтен как для Первой, так и для Второй мировых войн.

Правда, для связи с незамерзающим портом Мурманск режим Николая II сумел построить специальную железную дорогу через Карелию в относительно короткие сроки, мы сомневаемся, что кайзеровский режим или Австро-Венгерская империя смогли бы решить такую задачу, как строительство через тайгу и лесотундру ж.д. ветки в почти 1000 км, и это в условиях войны.

Франция, имея потери ВВП большие, чем Россия, не впала в хаос революции и гражданской войны, потому что была поддержана американскими военными поставками еще с осени 1914 г. Кроме того, на ее территории сражались сотни тысяч солдат британской армии, а на ее заводах было задействовано много алжирцев и прочих жителей колоний. У России тоже были свои колонии, но их людские ресурсы в тылу и на фронте были задействованы не столь значительно.

Заметим, что Австро-Венгрия, перейдя порог падения ВВП 26%, капитулировала в 1918 году, предав, по сути, своего союзника – кайзеровскую Германию, последняя рухнула, преодолев порог падения ВВП в 18%. Россия пошла на мирные переговоры с Германией, когда потеряла почти треть ВВП, очевидно, падение ВВП к моменту подписания Брест-Литовского соглашения было еще большим. Это означает, что ресурс прочности экономики Российской империи был

все-таки выше, чем у государств Центра, и меры режима Керенского в экономике оказались не абсолютно бесплодными.

Этот режим прочности, по М. Харрисону и Б. Бредберри, был обусловлен в первую очередь масштабом потерь человеческого и физического капиталов. Россия, по потерям человеческого капитала, оказалась к концу Первой мировой войны в наиболее благоприятном положении в Европе, (-) 2,3% от довоенного уровня по этому показателю, когда Германия потеряла 6,3%, Франция – 7,2%, Австро-Венгрия – 4,5%. По такому показателю, как разрушение материальных активов (физический капитал), Россия тоже в конце Великой войны была в более благоприятном положении, потеряв 14,3% активов против 59,6% у Франции (без учета колоний), однако Германия лишилась только 3,1% [4 р. 31], хотя крупные потери ее экономики пришлось на активы за рубежом.

Очевидно, причины поражения Германии в Первой мировой войне лежали больше в военной плоскости и в сфере снабжения населения продовольствием, нежели в потерях активов, которые у Франции, для сравнения, оказались огромными. Первая мировая война демонстрирует нам и другое явление, если судить по данным, приведенным у С. Бредберри и М. Харрисона, ресурс прочности западных демократий, если брать за основу французский случай, оказался выше, чем у режимов, ограничивавших либеральные свободы. Да, до 40% военной продукции Франции в Первую мировую войну было из американских материалов и полуфабрикатов, но и потери этого государства тоже были намного выше, чем у остальных участников Великой войны.

Надо отметить, что объем ВВП у С. Бредберри и М. Харрисона расходится с оценкой национального производства В.Н. Шенаева, сделанной им на основе немецких источников еще в 1950-е гг. До введения на Западе системы национальных счетов использовался такой показатель, как национальное производство (между ними незначительная разница). Так вот, по В.Н. Шенаеву, кайзеровская Германия провалилась в яму уже в 1916 г., план Гинденбурга продлил, судя по всему, агонию, но не остановил коллапса хозяйственной системы Германии (табл. 2).

Таблица 2

Динамика национального производства Германии [5 с. 46]

Год	1914	1916	1918	1919
Динамика национального производства, 1913 = 100%	83	64	57	37

Госрасходы стремительно росли, но при этом снижали потребление, так как ресурсы направлялись в основном на выпуск военной продукции. В этом смысле «кейнсианская рецептура» в кайзеровской Германии не сработала, так как потребительские расходы населения не рассматривались в условиях военной мобилизации как приоритет. По мнению Марка Шперера, нацистский режим пошел в 1930-е гг. по тому же пути, перераспределяя ресурсы из потребления в военное производство [6]. Однако в период 1933–1939 гг. Германия все-таки демонстрировала динамичный рост ВВП и промышленного выпуска в целом, включая и потребительские товары. Гитлер даже уже после 1 сентября 1939 г. не решался на те масштабы мобилизации, на какие пошел П. Гинденбург в 1917–1918 гг., и это решение Гитлера было связано с опытом Первой мировой войны, о чем подробнее мы поговорим ниже.

Трансформация ресурсов из гражданского сектора в военный не всегда ведет к адекватному перераспределенным ресурсам росту выпуска военной продукции. Грубо говоря, из «масла пушку сделать невозможно». В годы войн перераспределение рабочей силы из гражданских производств в военные часто было сопряжено с такой сложностью, как трудности с переквалификацией либо невозможностью ее осуществить вовсе.

Характеристики сырья, используемого в гражданском и военном производствах, также достаточно разные, и стоимость сырьевых ресурсов для военного выпуска также обычно выше. Отсюда получилось, что выпуск одной единицы военной техники ведет порой к сокращению десяти и более эквивалентных ему по стоимости потребительских товаров. Отсюда возникали лимиты мобилизации экономики, когда сокращение выпуска гражданской продукции в угоду наращивания выпуска военной не вело к приросту последней вовсе, мы думаем, что примерно в такой ситуации оказалась экономика Российской империи зимой 1917 г., когда в центре военной промышленности – Петрограде – возникла массовая безработица среди промышленных рабочих в военное время.

Таким образом, пределом прочности российской экономики было падение ВВП на 32–33% в периоде 2–3 года. Для Германии таким пределом, очевидно, было падение ВВП в диапазоне 42–44%, для Австро-Венгрии – 25–27%, но для австрийской и немецкой экономик период времени мобилизации составил 4,5 года. Могут ли быть эти пороговые значения справедливыми для ситуации во Вторую мировую войну, мы посмотрим ниже. Вместо Австро-Венгрии во Вторую мировую войну выступали Венгрия, Словакия, да и присоединенная к Германии Австрия все-таки выделялась в рамках рейха.

Тем не менее эти пороговые значения больше отражают способность населения терпеть лишения в условиях тотальной войны, но не тотальной войны на уничтожение (нацистская Германия и ее союзники вели против СССР именно такой тип войны). Правда, при таких потерях ВВП даже в условиях войны на уничтожение должны сработать ограничители дальнейшей мобилизации, так как в противном случае населению просто угрожала бы голодная смерть.

Был ли масштаб мобилизации ВВП таким же образом связан с его изменениями во Вторую мировую войну, как и в Первую? Как мы сказали выше, у этих войн были разные цели, однако, может быть, экономические законы работали одинаково в обоих случаях. За основу возьмем сделанные на базе работ М. Меддисона расчеты М. Харрисона, ниже мы подробнее остановимся на вопросе точности данных им оценок ВВП воевавших сторон.

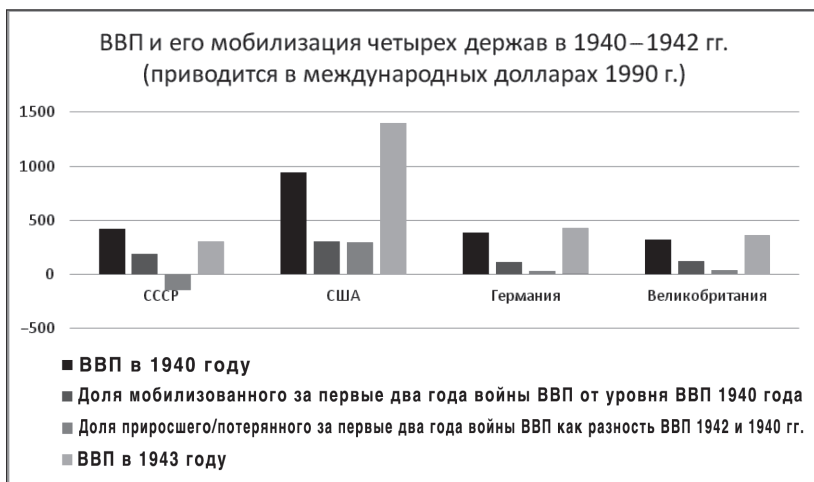

Рис. 1. ВВП и его мобилизация
Составлено по М. Harrison [7 р. 180]

Как мы видим из данных, приведенных на рис. 1, единственной из четырех крупных воевавших в масштабах всего мира держав, которая потеряла долю ВВП в первые два года участия в глобальном конфликте, был Советский Союз. Советская экономика мобилизовала в первые два года войны 44% ВВП, в 1943–1944 гг. советская экономика достигла мобилизации 60% ВВП [7, р. 180]. Однако, в отличие от Первой

мировой войны, ВВП СССР стал расти в конце и после прохождения кризиса на фронтах, чего нельзя сказать о России в 1916–1917 гг., но мы также видим, что рост мобилизации ВВП в 1941–1942 гг. происходил также на фоне потери значительной части национального продукта, когда Германия к 1942 г. не достигла показателя мобилизации экономики 1918 г. (чуть более 50% ВВП). Это различие германской мобилизации в мировых войнах объяснимо, на наш взгляд, тем, что в Первую мировую войну ВВП Германии падал неуклонно каждый месяц. В 1944 г. Германии удалось довести мобилизацию предположительно до 70% ВВП, который достиг 437 млрд дол. [7 р. 180]. Это могло произойти за счет мобилизации экономик оккупированных стран, что позволило Германии в 1943–1944 гг. избежать той ситуации, в какой оказалась ее экономика в Первую мировую войну.

ВВП СССР продемонстрировал рост в 1944 г., достигнув 362 млрд дол., что позволило экономике страны не повторить коллапс 1917 г., когда встали основные производства или они не могли работать на полную мощь. Было мобилизовано в том году 271,5 млрд дол., что почти на 90 млрд дол. больше, чем в первые два года войны. В то же время пиковая мобилизация 1943–1944 гг. оказала колоссальную нагрузку на экономику, что, как мы думаем, и стало причиной спада ВВП СССР в 1945 г. до значения 343 млрд дол. [7 р. 180]. Если война продлилась бы еще год при том же уровне людских потерь Советской армии, что и в 1944 г., то это вполне могло вызвать перегрузку экономики СССР военным производством, как и в 1917 г. в Российской империи.

Как мы сказали выше, СССР в годы Великой Отечественной войны получал поставки по линии «ленд-лиза». По М. Харрисону, объем помощи для СССР составил в 1942 г. 9% от национального дохода последнего, в 1943 – 18% и соответственно в 1944 г. – 17% [7 р. 189]. Если доверять цифрам М. Харрисона, то «ленд-лиз» для СССР стал важным фактором восстановления его экономики в 1943–1944 гг. К 1943 г. завершилось восстановление значительной части эвакуированных производств.

В отличие от Первой мировой войны, США пошли на значительное увеличение доли военных расходов в ВВП во Вторую мировую войну. Произошло это как в результате изменения характера участия США в мировом конфликте, так и ранним выходом Франции из войны. В 1914–1918 гг. основную нагрузку сухопутной войны на Западном фронте несла на себе Франция. В 1943–1944 гг. США довели масштаб мобилизации до 42% от ВВП, что меньше, чем у Франции в Первую мировую войну, но и ВВП последней был намного ниже, чем у США.

Некоторые замечания

Выше мы сказали, что мобилизация ВВП Германии достигла своего пикового показателя в 1944 г. Судя по всему, Германия стала терять часть своего ВВП во втором полугодии 1944 г., особо высоких масштабов это явление приобрело в последнем квартале 1944 г., так как в 1945 г. ВВП Германии упал до 310 млрд дол., что было вызвано не только репарациями и боевыми действиями на территории страны, но и начавшимся еще в предыдущем году спадом. В 1944 г. было резко сокращено финансирование модернизации гражданского сектора, гражданское строительство было снижено до минимума уже к 1940 г. По сути, в последнем квартале 1944 г. стала повторяться ситуация Первой мировой войны в германской экономике, что отчасти связано с потерей нацистским режимом части оккупированных территорий, хотя мы и не стали бы преувеличивать их значение для Третьего рейха, вопреки мнению М. Харрисона.

Как мы показали в другой работе, эксплуатация оккупированной Франции не приносила Германии больших доходов [1 с. 126]. По оценке Филлипо Очино и ряда других исследователей, ВВП Франции составил в 1941 г. 340 млрд франков, но без учета теневого сектора, который достиг 20% от ВВП, в таком случае ВВП Франции в 1941 г. должен был равняться примерно 400 млрд франков. Однако расходы правительства Виши на выплаты Германии составили в тот год 36% от, разумеется, официального ВВП, который составил по фактическому курсу франка к рейхсмарке 34 млрд RM в 1941 г.

Мы в другой работе доказывали, что рейхсмарка в начале Второй мировой войны по покупательной способности практически сравнялась с долларом США [8 с. 366]. Но в таком случае ВВП Франции в 1941 г. должен был составить около 34 млрд дол. в текущих ценах, что значительно выше приведенного у М. Харрисона показателя в 82 млрд дол. в 1940 г. в международных долларах 1990 г. Доллар 1990 г. был в 10 раз дешевле доллара начала Второй мировой войны, поэтому можно сказать, что ВВП Франции 1940 г., по М. Харрисону, равнялся примерно 8,2 млрд дол. в текущих ценах, когда в 1938 г., по Ф. Очино и др., ВНП Франции составил 446 млрд франков [9 р. 20] (разница между французскими ВВП и ВНП была незначительной), что примерно эквивалентно 44,6 млрд дол. в текущих ценах. У М. Харрисона ВВП Франции составил в 1938 г. 186 млрд дол. в ценах 1990 г. Таким образом, наша переоценка ВВП Франции дает возможность сказать, что поступления

в Германию от режима Виши были в денежном выражении минимум в 2,5 раза большими, чем по М. Харрисону.

М. Харрисон исключает Италию как участника войны с 1943 г., что неверно, как мы считаем. Итальянская промышленность продолжала работать на вермахт и «армию Республики Соло» (фактически формация вермахта на Итальянском фронте) практически до конца войны [10 л. 30–45]. Поэтому гипотетически большую часть из ВВП Италии 1944 г. правильно было бы включить в экономику уже нацистской Германии. Учитывая, что в 1943 г. «ось» потеряла в основном аграрные слаборазвитые провинции Южной Италии, мы (чисто гипотетически) полагаем, что примерно 80–90% ВВП Италии достались Германии, а это приблизительно 100 млрд дол. в ценах 1990 г., если верить подсчету ВВП Италии в 117 млрд дол. в ценах 1990 г. для 1944 г., приведенному у М. Харрисона [11 р. 27]. Но в таком случае ВВП Германии в 1944 г. должен был составить, если исходить из данных, приведенных у М. Харрисона, не 437 млрд дол. 1990 г., но около 537 млрд дол. (с учетом 100 млрд дол. ВВП Италии, но без учета нашей переоценки поступления от режима Виши).

Заключение

Переломный момент в развитии советской военной экономики совпадает с переломом на фронтах Второй мировой войны, т. е. в первом полугодии 1943 г. «стартовый» механизм этого процесса, мы думаем, надо искать в мероприятиях советского государства в 1942 г., когда удалось провести монтаж многих эвакуированных производств и мобилизовать значительную часть бывших гражданских производств. В Первую мировую войну правительству Российской империи не удалось в экономике добиться такого же результата к зиме 1917 г., хотя, как мы видели выше, в Российской империи и СССР сработал один и тот же принцип в первые два года войны – чем больше потери ВВП, тем выше доля мобилизованного национального продукта. Только во Вторую мировую войну помощь от Запада пришла вовремя и в отношении крупных объемах, чего нельзя сказать про Первую мировую войну, и это стало, на наш взгляд, одним из ключевых факторов в переломе в борьбе на Восточном фронте.

Тот факт, что ВВП СССР перед Второй мировой войной, если исходить из наших изложенных выше рассуждений, оказался меньше, чем ВВП Франции, указывает на иной характер советской

экономики, а не на ее отсталость. В этом смысле мы не согласны с М. Харрисоном, что экономически СССР был предпоследним звеном в антигитлеровской коалиции, слабее в этом смысле был только Китай. Советская модель экономики не подразумевала в 1930–1940-е гг. наличия обширного сектора услуг, производства роскошных товаров, строительства особо комфортного жилья, что было характерно для стран Запада, поэтому ВВП СССР оказался ниже, чем у Франции, по среднедушевому ВВП Советский Союз перед войной даже отставал от Италии.

Зависимость мобилизации от политической системы, как мы думаем, оказалась преувеличенной в историографии, если исходить из приведенных нами выше рассуждений. Мобилизация американской экономики во Вторую мировую войну, не имевшая прецедентов в истории США, стала, на наш взгляд, отчасти компенсирующей выход Франции из войны в 1940 г. Присоединение Италии и Японии к Германии кардинально изменило военную ситуацию в мире по сравнению с Первой мировой войной. Однако итальянские вооруженные силы все-таки были выведены из войны в значительной степени Британией и ее союзниками, а также СССР (разгром 8-й итальянской армии на Дону). Значительные ресурсы Японии были брошены против Китая и англичан, а также китайских войск в Бирме. Поэтому наше мнение, что американская мобилизация в годы Второй мировой войны была отчасти компенсирующей выход Франции из войны, мы думаем, справедливо и имеет право на существование в рамках научного дискурса.

Литература

1. *Попов Г.Г.* Экономическое значение оккупированных территорий и союзников для нацистской Германии в период Второй мировой войны // Германия и Россия: События, образы, люди: Сборник российско-германских исследований: Вып. 10 / Под ред. С.В. Кретицина. Воронеж: Истоки, 2014. С. 124–127.
2. Военная промышленность России в начале XX века: 1900–1917: Сборник документов. М.: Новый хронограф, 2004. 832 с.
3. ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 2154. Д. 4.
4. *Broadberry S., Harrison M.* The economics of World War I: A comparative quantitative analysis. Toronto, 2005. 135 p.
5. *Шенаев В.Н.* Банки Германии накануне и в период Второй мировой войны: Дис. ... канд. экон. наук. М., 1958. 343 с.
6. *Spoerer M.* Demontage eines Mythos? Zu der Kontroverse über das nationalsozialistische „Wirtschaftswunder“ // Geschichte und Gesellschaft. Jul. - Sep., 2005. 31. Jahrg. H. 3. Südasiens in der Welt. P. 415–438.

7. *Harrison M.* Resource Mobilization for World War II: The U.S.A., U.K., U.S.S.R., and Germany: 1938–1945 // *The Economic History Review*. 1988. Vol. 41. No. 2. P. 171–192.
8. *Попов Г.Г.* Поражения, которых могло не быть. Эпоха мировых войн. М.: Алгоритм, 2016. 496 с.
9. *Occhino F., Oosterlinck K., White E.N.* How Much Can a Victor Force the Vanquished to Pay? France under the Nazi Boot // *The Journal of Economic History*. 2008. Vol. 68. No. 1. P. 1–45.
10. ЦАМО РФ. Фонд 500. Оп. 12451. Д. 636.
11. *Harrison M.* Introduction // *The Economics of World War II: Six Great Powers in International Comparison* / Ed. by M. Harrison. Cambridge University Press, 1998. 336 p.

References

1. Popov GG. The Economic importance of the occupied territories and the allies to Nazi Germany during the Second world war // *Germany and Russia: the Events, images and people: a collection of Russian-German research*. Vol. 10 / Ed. by SV. Kretinin. Voronezh: istoki Publ.; 2014. P. 124–127. (In Russ.)
2. The military industry of Russia in the early XX century: 1900–1917: Collection of documents. Moscow: Novyi khronograf Publ.; 2004. (In Russ.)
3. Central archive of Military Ministry of the Russian Federation. F. 16. Inventory 2154. Act. 4. (In Russ.)
4. Broadberry S., Harrison M. The economics of World War I: A comparative quantitative analysis. Toronto, 2005. 135 p. (In Russ.)
5. Shenaev VN. German Banks before and during World War II: dis. ... kand. ekon. nauk. Moscow, 1958. 343 p. (In Russ.)
6. Spoerer M. Demontage eines Mythos? Zu der Kontroverse über das nationalsozialistische „Wirtschaftswunder“. *Geschichte und Gesellschaft*. Jul. – Sep., 2005. 31. Jahrg. H. 3. Südasien in der Welt. P. 415-38.
7. *Harrison M.* Resource Mobilization for World War II: The U.S.A., U.K., U.S.S.R., and Germany: 1938–1945. *The Economic History Review*. 1988;41(2):171-92.
8. Popov GG. Defeats, which could not be. The era of the world wars. Moscow: Algorithm, 2016. (In Russ.)
9. *Occhino F., Oosterlinck K., White EN.* How Much Can a Victor Force the Vanquished to Pay? France under the Nazi Boot. *The Journal of Economic History*. 2008;68:1-45.
10. Central archive of Military Ministry of the Russian Federation. F. 500. Inventory 12451. Act. 636. (In Russ.)
11. *Harrison M.* Introduction. *The Economics of World War II*. Six Great Powers in International Comparison. Ed. by M. Harrison. Cambridge University Press, 1998. 336 p.

Информация об авторах

Олег В. Казенков, Русский академический фонд, Москва, Россия; 119017, Москва, ул. Большая Ордынка, 6/2, стр. 10; o.kazenkov@gmail.com

Григорий Г. Попов, кандидат экономических наук, доцент, Институт международных экономических связей, Москва, Россия; 119330, Россия, Москва, ул. Мосфильмовская, 35; GGPopov2009@mail.ru

Дмитрий Н. Ермаков, доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия; 125993, ГСП-3, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49; Московский технологический институт, Москва, Россия; 117292, Россия, Москва, ул. Кедрова, 8, строение 2; DNErmakov@fa.ru

Information about the authors

Oleg V. Kazenkov, Russian academic Fund, Moscow, Russia; bldg. 10, bld. 6/2, Ryzanskiy Av. Moscow, Russia; o.kazenkov@gmail.com

Grigorii G. Popov, PhD in Economics, Institute of International Economic Relations, Moscow, Russia; bld. 35, Mosfil'movskaya Street, Moscow, Russia, 117292; GGPopov2009@mail.ru

Dmitrii N. Ermakov, Doctor in Economics, professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 49, Leningradskii Av., Moscow, Russia, GAP-3, 125993; Moscow Technological Institute, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 8, Kedrov Street, Moscow, Russia, 117292; DNErmakov@fa.ru